

ТВ Парк. - 1996. - 15 янв. - с. 8-9

Естественно, наш разговор с Татьяной Догилевой начинается вопросом о Катюше, которой скоро уже будет год.

— Самое интересное в моей жизни происходит по ночам, когда ребенок не спит. Ведь сейчас я не снимаюсь, играю крайне редко. Ну, на небольшие гастролы выезжали со спектаклем «Орестея», бывала в других городах — на концертах, творческих встречах. Катя оставалась с няней, с бабушкой — мама моя в Москве, недалеко, часто приезжает.

— Давайте все же вернемся к предыстории — с чего началась ваша семья?

— Мы с мужем познакомились на съемках телефильма «Вольный ветер», он был одним из авторов сценария. Искали исполнительницу на роль Пепиты. Однажды он увидел по телевизору спектакль «Гренада». Мишин даже фамилию не запомнил, а просто сказал: там какая-то артистка, вроде бы, должна подойти... Меня вычислили, стали уговаривать сниматься, причем с такой мотивацией: в тебя влюблен автор сценария — что было абсолютной ложью. Впрочем, меня это не волновало. Я думала, что он, как и режиссер Ян Борисович Фрид, человек достаточно пожилой. Ну, влюблен, так и влюблен.

Зато когда мы познакомились, уже Мише стали про меня что-то такое нашептывать. В общем, отступить было некуда, пришлось исполнять волю группы...

Быть женой писателя — это нормально. Как отвечает муж, живешь не с профессией, а с человеком.

— Но каждая профессия накладывает на человека свой отпечаток, определяет стиль его жизни...

— Да! Нормальные мужья уходят на службу, и потому обед можно не готовить. Мой — большей частью работает дома. Мне приходится готовить.

— Наверное, вы и первый читатель его рассказов? И редактор? Прислушивается ли Михаил Мишин к вашему мнению?

— Прислушивается, прислушивается. Он мне прочитает, я скажу, нравится или нет. Если нет, он начинает злиться: ну что, что тебе не нравится?! Когда объясняю, говорит, что я ничего не понимаю, но все же прислушивается.

Я заметил, когда разговариваешь с «творческими парами», почему-то больше спрашиваешь о «другой половине». Хватит о Мишине, поговорим о Догилевой, вошедшей в кинематограф очаровательной «Блондинкой за углом».

ДОГИЛЕВА

**На двери ее квартиры висит записка:
«Не звоните! Спит ребенок!»
Осторожно стучу...**

— О, это был бесконечный фильм! Снимали его очень долго — в расцвет «застоя», в Ленинграде, где идеологическое начальство заставляло все переснимать — по три раза! Почему я в финале в чепчике была? Да потому что концовку переснимали через много-много месяцев, когда у меня уже был другой цвет волос...

Был период, когда атмосфера на съемках была ужасающая. Все переругались, накопили обид на режиссера, заменили оператора... Фильм спасал Андрей Миронов — какими-то шутками, прибаутками, рассказами он разряжал ситуацию, вселял во всех надежду, веселость, и все шли сниматься. Это был удивительный человек по умению и желанию жить, такого таланта жить я ни у кого не встречала!

Когда он подвозил меня с ночных съемок, то пел мне в машине песни Вертинского, которого я знала очень плохо. «Эту знаешь? — спрашивал он. — А эту?» — и пел... Это было невероятное везение, что я с ним общалась.

— Ну а такой «перестроечный» фильм, как «Забывтая мелодия для флейты», разве легко снимался? Вы здорово там заделали всеильную нашу государственную бюрократию.

— С бюрократией разбирался Рязанов, а у меня с Филатовым любовь была. Работали мы великолепно — два месяца удовольствия, счастья и понимания, что тебе крупно повезло. Хотя Эльдар Александрович очень эмоциональный человек и своих эмоций никогда не скрывает. Если ему что не нравится, он очень сильно кричит. Сначала и на меня покрикивал — видимо, не совсем был уверен в выборе героини, раздражался на какие-то мои промахи. Иногда при всей массовке кричал: «Что за артистку взяли — ни рукой, ни ногой шевельнуть не может!» А когда у него совсем уже не было слов, когда он считал, что я его не понимаю, то апеллировал к Филатову: «Леня, я не могу больше с ней! Ну хоть ты ей скажи!..» И Филатов послушно начинал объяснять мне то, что мне было и так понятно, просто я была не согласна. Но потом мы наладили общение.

На этом фильме подобралась блестящая компания — люди с юмором, без самовлюбленности, без чванливости: Ширвиндт, Гафт, Волкова, Филатов... Иногда мы собирались, начинали травить какие-то истории, байки, и Рязанов не мог вызвать нас на площадку! «А вот еще случай был...» — и хохот, и вся группа подтягивалась, а Рязанов кричал: «Выгоните этих сволочей!» — и сам при этом хохотал.

Для меня один из самых больших плюсов съемок в кино — это